

Повесть Альберта Анатольевича Лиханова «Чистые камушки»: аргументация

Добро должно быть с кулаками,
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.

Ст. Куняев

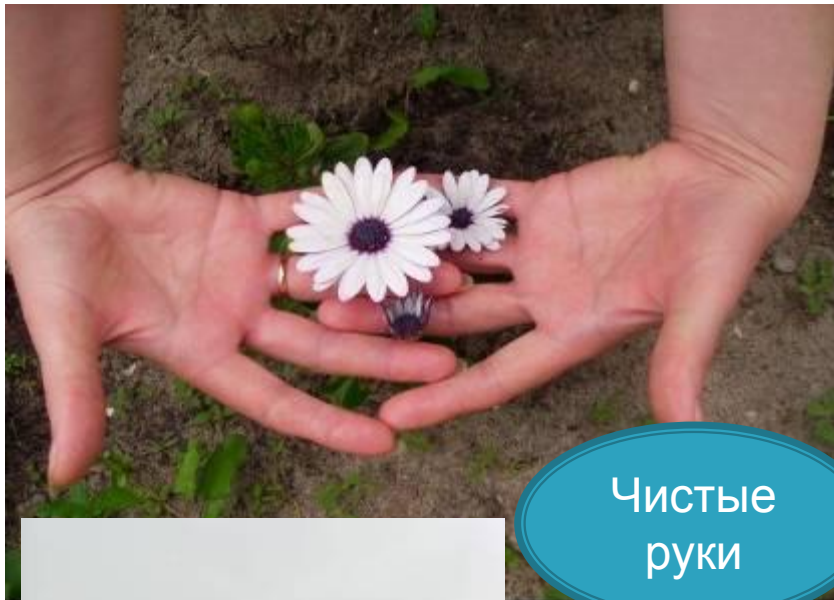
Истоки повести

- В 1941 году Лиханову исполнилось 6 лет. На Вятку, где жили Лихановы бомбы не падали, ее не брали в кольцо блокады, но ей, как и многим городам России, досталась изнанка войны. Каждый день на вокзалы города приходили эшелоны с ранеными, искалеченными солдатами. (слайд 6) Школы отдавали под госпитали, другие здания под детские дома, куда поселяли эвакуированных детей, оставшихся без родителей. Мама Лиханова делала все, чтоб ее сын ни в чем не нуждался. Временами она отдавала кровь раненым бойцам.
- А. Лиханов вспоминает
- *"Никогда не забуду, как мама брала меня с собой на донорский пункт, заходила в кабинет с нормальным лицом, а выходила зелёная, круги под глазами. Потом мы медленно шли к донорскому магазину, там на талончик продавали то, что нигде не достанешь - топленое молоко, или топленое масло, что-то сладкое. Мама тут же в магазине давала мне этот кусочек масла в рот, чтобы я проглотил его скорее. В масле - жизнь! Разве это забудешь!"*
- А. Лиханов - это поколение детей Великой войны и Великой Победы.

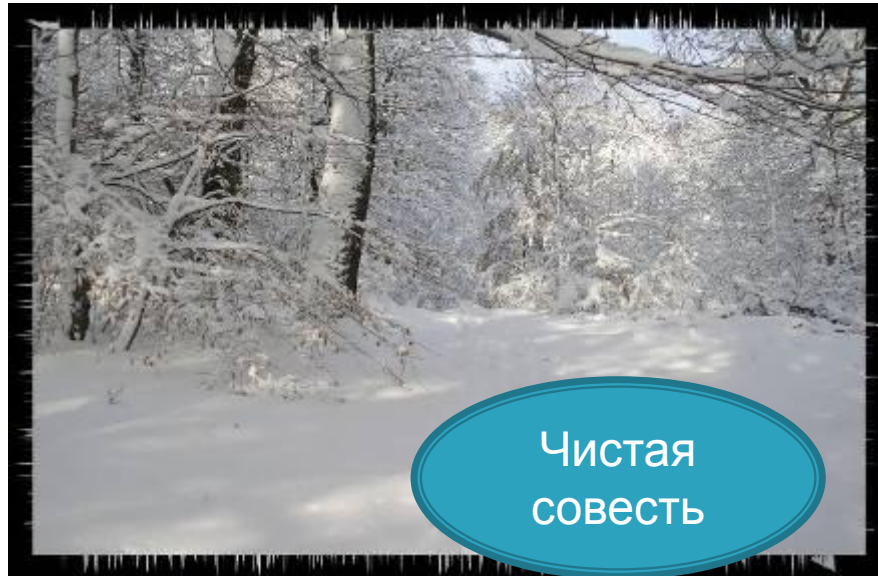
О повести, переход к литературной аргументации

- Многие критики считали, что в основе всего творчества Лиханова находится именно эта повесть .
- Время, быт - все в повести изображено точно и зримо. Возвращение живых и искалеченных войной победителей - суть "Чистых камушков". И автор ни в чем не хитрит, обращаясь к юному читателю, человеку другого времени, другой эпохи, когда показывает жизнь такой, какой она была в те годы.
- Что находится в центре внимания автора?
- Глазами какого героя мы воспринимаем все происходящее?
- Почему Лиханов выбрал именно этот угол зрения?

«ЧИСТЫЙ»

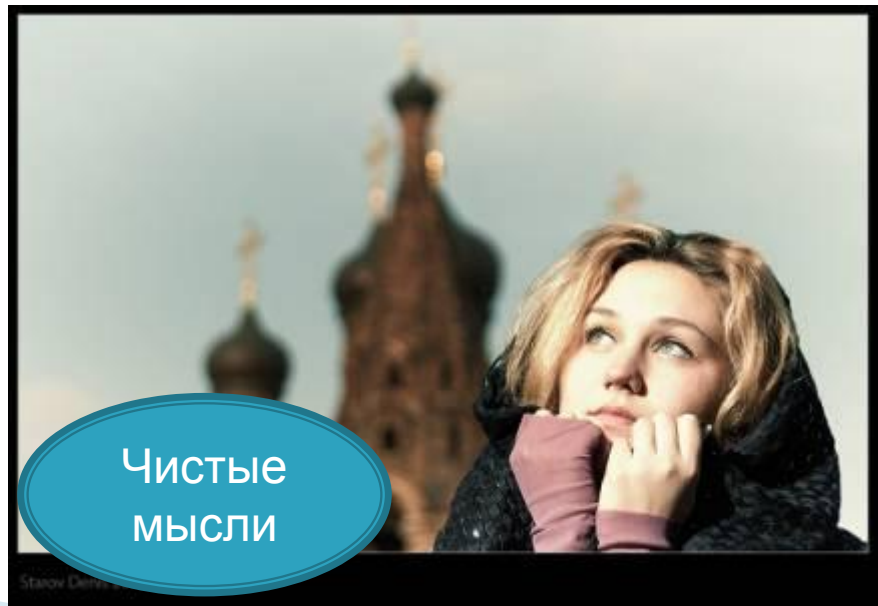
Чистые
руки

Чистая
совесть

Чистый
понедель
ник

Чистые
мысли

Разум и чувства

Мир глазами ребенка

Чем руководствуются в своих поступках Михаська, Катька, Лиза, Сашка?
Что испытывают герои на протяжении повести ?

Мир взрослых

По каким законам живут взрослые: Юлия Николаевна, Ивановна, Седов, Мать, отец мальчика?
Каким Лиханов изображает отца? Что контрастирует в его образе?

Чувства взрослых

- Время от времени он тоже становился задумчивым, смотрел на маму, потом брал ее за плечи, поворачивал к себе и минуту глядел ей в глаза, ничего не говоря.
- Так смотрели они друг на друга, забыв, наверное, и о нем, и глаза их становились необыкновенными. Михаська глядел на них и видел, как в глазах матери отражается маленький отец, а в глазах отца – маленькая мать; и ему казалось, что они уходят от него в какой-то волшебный мир, ему непонятный, смутный взрослый мир, и там, в глазах друг у друга, уменьшившись совсем, они и в самом деле одни, без него, Михаськи. И Михаське становилось тоскливо. А отец и мать, будто почувствовав, что ему тоскливо одному, вдруг поворачивались к Михаське и улыбались ему.
- Но проходило немного времени, и они снова смотрели друг на друга, и отец гладил мать, как маленькую, по голове. А мать снова смотрела на него, смотрела и видела только его.
- Она стала совсем молодой, мама.

Равновесие

- ▣ Видно, чтобы было равновесие на весах, чтобы они оба улыбались или вместе огорчались, нужно какое-то неравновесие внутри их...

Честь и бесчестие

- Право на хорошую жизнь
- – А затем, – весело крикнул отец, – что хватит! Навоевался я? Ох как навоевался!.. И хочу теперь жить по-людски! Хорошо! Вольно! И чтоб всего было вдосталь! И еды, и воздуха, и света! Потеснились, хватит! Будет и у нас дом!

- Отец швырнул таз, который паял, и заходил по комнате как маятник – взад-вперед, взад-вперед. Мама подошла к нему, взяла его за плечи.
- – Ну что ты? – сказала она. – Успокойся...
- Она смотрела на отца, как тогда, в тот длинный первый день, и глаза ее походили на два кусочка неба.
- – Устал ты, – сказала она. – Ну отдохни. Чего ты волнуешься? Грех обижаться. Живем как люди, не хуже.
- Отец вырвался, снова заходил по комнате.
- – «Как люди»! – крикнул он. – Вот именно как люди. – Он остановился перед мамой и сказал ей хрипло, будто мороженого наелся: – А я не хочу, как люди! Не хочу, слышишь! Я хочу лучше, чем люди! Или я не заслужил?
- Михаська смотрел во все глаза. Таким отца он никогда не видел. Только что смеялись они, говорили о чем-то – и вдруг такое. Что с ним?
- Отец прошелся по комнате еще и еще, потом вдруг остановился, обнял маму.
- – Зло берет, понимаешь? – сказал он обычным голосом. – Целый вечер сижу – семь тазов запаял.

Инвалид

- Тот все стоял, внимательно глядя на инвалида, и черная морщина разрезала лоб, и брови почти сходились на переносье.
- – Здорово пьет, горемыка, – сказал он.
- – А ты его знаешь? – спросил Михаська.
- – Знаю, знаю... – быстро сказал отец. – Как же не знать, воевали вместе. Да пойдём-ка!
- Он крепко схватил Михаську за руку и потащил на другую сторону улицы. Отец шел быстро, и спокойствие и веселье, которые были в нем только что, враз куда-то исчезли. Он торопился, будто за ним кто-то гнался, кто-то глядел на него, а отец не хотел, чтоб его узнали и догнали.
- – А то увидит, не отвяжешься, – сказал он, снова взглянув на инвалида.
- Михаська даже не сразу понял, что сказал отец. Только что, минуту назад, он смотрел на инвалида нахмурившись, стиснув зубы, и Михаська подумал, что отцу, наверное, нелегко смотреть вот так на человека, у которого война отняла ноги. Может, он подумал о себе – ведь и он мог прийти с фронта таким же!

Ивановна

Бабушка Ивановна принесла отцу тазик запаять. Она в нем белье стирает.

Отец тазик запаял, и тоже посмотрел в угол, и тоже, как всем, сказал Ивановне тихо:

– Два рубля.

И Михаська видел, как растерялась Ивановна, как оставила она тазик, пошла в коридор, а потом принесла два рубля. Михаська смотрел на маму – она бренчала кастрюлями совсем рядом и видела, видела же все. Но мама ничего не сказала.

– Это же Ивановна! – сказал Михаська отцу, глядя на него так, будто видел в первый раз. – Ивановна, понимаешь? Они плохо живут. У них мать задавили.

Отец удивленно посмотрел на Михаську и ответил:

– Ну и что?

Словно ничего не случилось. Не было. Не произошло. И мать громыхала кастрюлями.

Михаська смотрел на отца со страхом, с ужасом, с обидой, и в глазах у него стояли слезы. Отец снова взглянул на него и снова ничего не заметил.

Не захотел.

И тогда Михаська вспомнил инвалида.

Мама

- Но после того случая мама пришла вдруг к Ивановне и принесла ей ведро картошки. Еще прошлогодней. Остатки. А потом положила на стол два рубля и сказала:
- – Ивановна, ты извини, тут Виктор ошибся.
- Ивановна стала уговаривать маму, чтоб она взяла эти два рубля: все-таки, мол, отец работал, а за работу пока что надо платить, все правильно, не при коммунизме живем, – но мама наотрез отказалась, и Михаська видел, что маме неудобно за отца. Стыдно.
- И тогда он понял, это не отец вернул. Это она сама. Значит, она не согласна с отцом, раз ей стыдно. И может быть, тогда, когда она промолчала, ей было в сто раз труднее, чем Михаське, и в тысячу раз обиднее, что отец так сделал.
- А она промолчала. Не сказала ни слова.
- «Почему?» – думал Михаська и не мог понять. И только потом понял, что мама промолчала, потому что любит и Михаську и отца, любит всю их семью и не хочет, чтоб хоть самая маленькая беда случилась в ней.
- Она просто смолчала и исправила все за отца. А он так ничего и не узнал.
- «Но почему он не сам, – думал Михаська, – почему не сам? Почему он так сделал, отец? Почему он такой?»

Отец

- – Я фининспектор. Говорят, вы тут частную практику открыли. Похвально, похвально! Только почему налог с дохода не платите?
- Отец побледнел, встал и ушел за шкаф. Вышел в гимнастерке, с медалями, с гвардейским знаком. Поправил ремень.
- – Видите? – спросил он толстяка. – Я войну прошел. Ранен. Что же, я теперь жить не могу, как хочу?
- Мама пришла из коридора, прижалась к косяку. Испуганно смотрела то на отца, то на инспектора.
- – А вы мне тут налоги! – крикнул отец.
- – Да не кричите, – сказал толстяк, снова трогая свой нос. Он говорил спокойно, будто отец и не кричал на него, будто ничего и не случилось. – Я же вижу, что вы не жулик. Состояния на этом, – он кивнул на ведра и тазы, – не зарабатываешь.
- Отец сел. Фининспектор говорил с ним вежливо, не злился, даже как будто сочувствовал отцу.
- – Но закон есть закон. Если вы получаете доход, надо платить налог. Понимаете? – спросил он и добавил, слегка раздосадованный: – И гимнастерка тут ваша ни при чем, поверьте! Я сам воевал, однако наградами потрясать в таком случае не решусь. Так что я вас предупредил. В следующий раз составлю акт.

Законы детской чести

- Лиза закатала рукава, смочила тряпку в ведре и стала вытирать парты. Она покраснелась, волосы падали ей на глаза, и Лиза смешно дула на них, оттопыривая нижнюю губу. Ивановна шваброй терла пол, и голова ее вздрагивала, будто от испуга.
- Обе работали молча, сосредоточенно, Только бабушка Ивановна иногда останавливалась, вытирала тыльной стороной ладони пот со лба и тут же снова бралась за швабру.
- Михаську вдруг будто подхлестнул кто-то. Он даже покраснел. Вот маленькая Лиза и бабушка работают, а он сидит рядом с ними и листает свою книжку. Михаська закатал рукава, силком отобрал у Ивановны швабру и стал тереть ею пол. Но что-то у него плохо выходило с этой шваброй, и тогда он взял тряпку и стал мыть пол руками.
- – Михасик, перестань, перестань! Михасик... – говорила бабушка, но он не переставал, и у него это здорово быстро выходило.

Катька

- К Михаське, когда он ел, не раз подходили какой-нибудь пацан или девочка и говорили: «Оставь немного». Или просто садились напротив и глядели в тарелку, не оставит ли там Михаська картошину или супчику на дне. Таких ребят было много, их прозвали шакалами из восьмой столовой. Михаська всегда выглядывал в их разноликой толпе Катьку – она тоже считалась шакалкой. Катька стыдилась своего прозвища, стыдилась просить; она просто иногда проходила мимо столов, и если оставался кусочек хлеба или еще что-нибудь, она брала, но никогда не подходила, если человек сидел за столом, и не глядела ему в рот.
- Михаська высматривал Катьку, махал ей рукой. Она краснела, хотя чего ж ей краснеть перед Михаськой, но к столу шла, и Михаська всегда делился с ней и первым и вторым и оставлял полстакана киселя.
- Правда, потом у него жужжало что-то в животе и до вечера, пока не придет мама, не раз побегут голодные слюнки, но не позвать Катьку, похожую на скелет – только глаза блестят, – он не мог. Он вспоминал войну, как там сражаются бойцы – ведь делятся, наверное, последним куском друг с другом и махорочку делят, – и ему становилось стыдно от одной мысли, что он все хотел съесть сам и не позвать Катьку.

Михаська

- Правда, иногда ему казалось, что девчонки и Ивановна относятся к нему как-то по-другому. Они улыбаются ему, болтают с ним как ни в чем не бывало. Но когда садятся есть свой суп из брюквы, Михаську за стол уже не зовут. А раньше звали.
- Михаське было горько от этого, стыдно за самого себя. Ведь он знает: его не зовут, потому что думают, он откажется – его же теперь дома вкусно кормят. Колбаса у них не переводится, масло, и все по твердой цене, потому что мать в магазин устроилась. А у них колбасы нет и неизвестно, когда будет.
- Михаське кажется, что теперь Ивановна с матерью даже как-то по-особому и здороваается-то. Как с генералом.
- Не зря же этот Зальцер тогда говорил. И Седов тоже.
- Он не винит Ивановну – она тут ни при чем, это мать виновата. И отец. Из-за них теперь Ивановна не зовет его есть с ними. Вроде барином он стал.
- Михаська старается загладить свою вину. Он приносит девчонкам куски колбасы, и ему стыдно: может быть, они подумают, что вот теперь он разбогател и хвастается своей колбасой, их кормит.

Честь и человечность

- ▣ Он увидел ее позже. Это была пожилая тетка. Удивительно, что она водила машину, но кем только тогда не работали женщины! Тетка приносила Ивановне муку – она ездила в какую-то деревню и выменяла там на что-то, потом приносила деньги – и это было уже при Михаське, он готовил тогда уроки с Катькой – и еще много раз приходила, и так ходила всю войну, пока вдруг не исчезла. Ивановна узнала потом: тетка эта, такая неприметная и маленькая, что Михаська никак не мог ее запомнить, умерла от сыпного тифа.
- ▣ Бабушка Ивановна плакала, и Михаська удивлялся тогда, что это она плачет – ведь эта тетка задавила ее дочь и оставила девчонок круглыми сиротами.
- ▣ Но Ивановна плакала так, будто потеряла родного человека; она ведь даже в суд ходила, просила, чтоб эту тетку не судили, когда она задавила Катькину и Лизину маму.
- ▣ «Она ведь тут ни при чем», – говорила Ивановна, хоть у нее и стала трястись голова после этого «ни при чем».

Честь – это честность

- – Отца-мать обмануть вздумал, – говорит мать, успокаиваясь. – Обмануть... Честным быть надо, честным! – говорит мать. – Чему я тебя всю войну учила? Честности! Честно надо жить!
- Она плачет.
- – Честно? – переспрашивает удивленно Михаська, будто не расслышал. – Значит, честно?
- Фильм крутится в его голове. Плохой фильм. Там не Чапаев с пулеметом. Там отец с картошкой. Мать с конфетами. Там гора денег из-за ремня со звездочкой на пряжке. Там туфли обувщика Зальцера.
- «Опять врет! – думает он о матери. – В глаза смотрит и врет!»
- – А вы – честно? – кричит он. – А ты – честно?

- – А-а... – сказала она ласково. – Это тот мальчик, которого покусали наши собаки?
- Михаська дрыгнул ногой – хотел было убежать, но Фролова держала второе мороженое в руках и не отдавала его.
- – Хра-а-абрый мальчик, – сказала она, качая головой. – Я таких храбрых первый раз вижу. Да и родители у тебя ничего. Вон как твой папаша расшумелся, когда пришел. Пятьсот рублей за тебя затребовал.
- – Как? – не понял Михаська.
- – А вот так. «Гоните, – говорит, – пятьсот рублей за сына, а не то в суд дело передам».
- Ногами опять зашевелил кто-то другой. Михаська попятился, потом повернулся и побежал.
- – Мальчик! Мальчик! – кричала ему Фролова. – Мороженое!..

Честность

- ▣ Эх, люди, люди!.. Сколько времени вдали! Вдали, вдали, вдали... И сколько будут еще врать? А еще отец с матерью...
- ▣ Все правильно, Сашка Свирид тогда правду сказал. Все правильно на белом свете, и сколько из этого правильного по-настоящему правильно?
- ▣ Михаська заметил: странное дело, но когда Сашка сказал ему, что он спекулянтская морда, а мать торгует на рынке конфетами, в тот, первый, раз, ему эта сплетня показалась ужасной. Он не мог даже стерпеть – ударил Сашку. И когда узнал, что отец за его искусанный зад взял пятьсот рублей, тоже страшно обозлился, реветь хотелось.
- ▣ А сегодня – нет. Только что, сию минуту он узнал всю правду, узнал, что отец с матерью вдали ему, и ведь это было ужасно, но странно – сегодня он не удивлялся. Ему было как-то все равно.

Деньги

- ▣ – Ни черта! – говорит отец. – Выпустят. Дам старухе полтыщи. А Катьку выпустят, если на себя возьмет. Несовершеннолетняя ведь.
- ▣ Михаська смотрит на мать. Она сгорбилась, сжалась, высохла возле своего чая. Он смотрит на отца. У отца дрожат руки, будто кур воровал.
- ▣ – Трусы! – говорит Михаська спокойно, слишком спокойно. – Предатели! – говорит он и видит, как отец с матерью становятся маленькими, уменьшаются на глазах. Он говорит, но горло пересохло. Он говорит, а в горле только клокочет что-то... Он задыхается и наконец выжимает: – А еще разведчик!..

Победа и поражение

- Относительность понятий
- Отец – победитель
- А во всем, конечно, Гитлер виноват. Он. Война виновата. Отец один раз сказал: «Война все спишет».
- Спишет.
- Как спишет? Куда спишет?
- На пионерском сборе Юлия Николаевна говорила:
- – Разве можно простить войну? Забыть ее? Разве можно вычеркнуть гибель ваших братьев, отцов? А Зою Космодемьянскую разве вы забудете? А Олега Кошевого? А Александра Матросова?
- Конечно, нет! Что за вопрос? Смешно прямо! Люди погибли, а их – забыть... Да никогда!
- Но это проще. Когда люди сражаются, погибают – там все ясно. Ну а вот это – мама в магазин ушла, чтоб Катька для них конфетами спекулировала; отец картошкой торговал, деньги взял за искусанный зад – будто продал Михаську; вранье всякое, без запинки вранье – это что, тоже война?

«Наше дело правое!»

- ▣ Он вспомнил слова, которые в войну часто слушал по радио: «Наше дело правое!» И хотя эти слова были про победу, про то, что мы обязательно расколотим фашистов, а не про Михаську совсем, не про его мысли и заботы, он повторил про себя: «Наше дело правое!» Повторил так, что ему самому показалось – не по лесу идет он сейчас, не на станцию, а в бой, в настоящее сражение.
- ▣ – Наше дело правое! – повторил он упрямо и пошел по правой дороге.

- Михаське стало противно и стыдно, что он – это уже не он, будто лучина, раскололся надвое, расщепился, разделился. «Человек не лучина, – думал он. – Человек не может расщепляться».
- Он должен быть один, должен быть самим собой.
- Даже смешно, что он хотел уйти, убежать. Пусть на стройку Сталинграда. Все равно это было бы бегство, и больше ничего. Никакое не правое дело. Уйти – значит успокоиться.
- А если ты успокоился, значит, сдался.

Дружба и вражда

- Николай Третий:
- Он учился в соседней школе, в седьмом классе. Когда Сашка Свирид приехал из Ленинграда, Савватей поймал его на улице и накормил хлебом, который отнял у других. Сашка не устоял, наелся хлеба, и Савватей заставил его «шестерить» – ходить всегда рядом с ним, будто адъютант. Сашкина мать тогда отбила его у Савватея. Поймала Николая Третьего среди бела дня на улице и набросилась на него. «За кусок хлеба ребенку голову морочишь!» – кричала она.

Сашка

- Сашка, лучший друг, оказался предателем.
- Все было так, как бывает в те дни, которые на всю жизнь запоминаются.
- В школе Михаська сразу заметил, что Сашка Свиридов как-то странно посмотрел на него. Что-то чужое было в Сашкином взгляде, будто он знал о Михаське больше, чем знает даже сам Михаська.
- Но Сашка ничего не сказал, улыбнулся, подошел к Михаське; они начали, как всегда, спорить и в азарте доспорились до того, что начали обсуждать, кто смелее – Сашка или Михаська.

Испытание на смелость

- ❑ Собаки приближались. Они шли, чуть косолапя, оставляя на земле когтистые пятиконечные знаки, и прохожие покорно сворачивали в сторону, уступая дорогу знаменитым псам.
- ❑ Сашку стало трясти, он даже позеленел, а Михаська, растерявшись, молчал. Эх, надо бы схватить Сашку за рукав, дернуть его – пусть во всем был бы виноват тогда Михаська! – но не дать Сашке сделать этот шаг. Последний шаг. А может, первый? Ведь с него все началось.
- ❑ Собаки поравнялись с ними. Сашка шагнул вперед, и один пес зарычал, оцетинил шерсть и потащил мужа Фроловой к Сашке. Второй пес шел спокойно, ничего не замечая, понутив голову.
- ❑ Фролов прикрикнул на пса, и тот послушно умолк. Сашка стоял на обочине мостовой, глядя вслед собакам, ни жив ни мертв.

Испытание для дружбы

- «Что он, обалдел совсем? – подумал Михаська. – Я к нему как к человеку, а он...»
- – Ну-ка повтори, – сказал Михаська.
- – И повторю! – окрысился Сашка. – Спекулянтская морда! Твоя мать конфетами теперь на базаре торгует.
- Михаська вложил всю силу в этот удар. Сашка упал в пожухлую траву, упал молча, как мешок, набитый чем-то тяжелым. И то, что он не заревел, ничего не сказал больше, острой болью резануло Михаську. Значит, он сказал правду?! «Тьфу, ерунда какая!» – подумал он тут же.
- Но Сашкины слова уже не давали ему спокойно идти, спокойно дышать, о чем-то думать.

Друг

- ▣ Ну обозлился. Даже ясно, почему обозлился, хотя и совсем зря, но такое говорить!..
- ▣ Никак не поймет Михаська, в чем тут дело.
- ▣ Книжку читает – про Сашку думает, по улице идет – снова про Сашку, на уроке сидит – Сашка ему покоя не дает. А уж картошку копает – тем более. Никогда просто так, ни за что Сашка никого не обижал. Даже девчонок за косы без дела не дергал. А тут – такая несуразица.
- ▣ Михаська копает картошку, собирает клубни, пьет время от времени воду, и ему все Сашка покоя не дает.

Савватей

- Только Сашка с Михаськой сидели на пригорке. Сашка грелся на солнышке, а Михаська глядел на него и думал, как бы ему снова заговорить с Сашкой и положить всей этой дурацкой ссоре конец. Одной ногой он упирался в булыжник. Камень поблескивал на солнце слюдяными блестками. «Значит, гранит», – подумал Михаська.
- Вдруг ребята, которые кувыркались, все враз остановились и притихли. Так даже не притихали, когда директор входил, а уж про Ивана Алексеевича и говорить нечего.
- Михаська обернулся и вздрогнул. По площадке шел Савватей с компанией своих дружков.

- – Свирид! – и свистнул.
- Михаська даже не понял сначала, что это так повелительно, будто своему брату, Савватей кричит Сашке. Он обернулся к Свириду и увидел, как, потоптавшись, Сашка побрел к забору.
- – А н-ну, кор-роче! – протяжно крикнул Николай Третий, и Сашка затрусил к забору рысцой.
- словно что-то хлестнуло Михаську. Это было обидней, чем сожженная курточка и грязные лапы Савватея.
- Шакал хозяйственно покрикивал из-за забора, будто тянул за шнурок, к которому был привязан Сашка, и тот бежал, послушно бежал к заклятому Михаськиному врагу, перебегал на вражью сторону.
- – Предатель! – крикнул Михаська.
- Сашку будто подсекли. Он остановился на мгновение, махнул Михаське рукой куда-то в сторону, махнул еще раз, словно хотел сказать «уходи», но Михаська не понял и крикнул снова, стараясь выбирать слова пообиднее:
- – Шестерка! Предатель!
- Но Сашка уже не останавливался.
- – Свиридов, вернись! – крикнул Иван Алексеевич, и Михаська увидел, как он побагровел. – Вернись, урок еще не кончен!

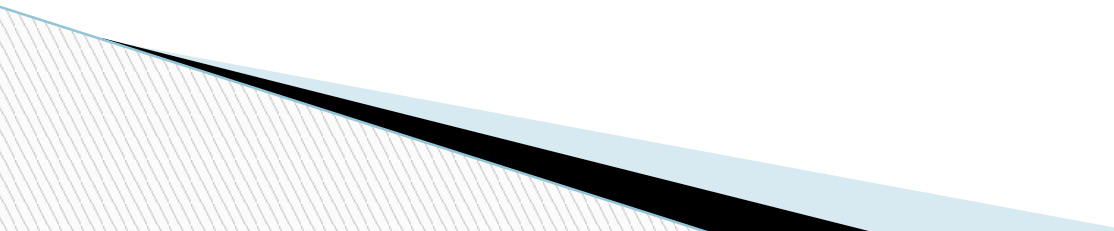
- – Отпусти Сашку! – сказал Михаська.
- Савватей удивленно вскинул тоненькие – ниточкой – брови. Такие брови Михаська видел в кино у каких-то красавиц.
- – Ишь ты! – удивленно сказал он и снова посмотрел на Михаську с интересом. – Крупный купец пришел! Человеков покупает...
- Он посмотрел на Сашку, погладил его против волос, и Свирид не отвернулся, не отвел голову, а только моргнул и по-прежнему жалостливо глядел на Михаську.
- – Ну-ну, купец первой гильдии! А за что покупаешь?
- – За что хотите, – сказал Михаська.
- – Ну как, парни? – обратился Савватей к своей шайке. – Продадим Свирида?
- Тени заморгали, закивали головами, захихикали, не понимая, чем кончатся шутки атамана.
- – Ладно, продаем! – сказал Савватей. – Не за деньги продаем. За храбрость. Ты – храбрец, вот и покажи свою силу. На том же, на чем Свирида испытывал. Пошли!

Фашисты

- Какая-то страшная сила резанула Михаську сзади, он рванулся вперед и чуть не угодил к другой собаке. Это была бы верная смерть. За горло – и все... Каким-то усилием воли он оттолкнулся назад, и снова его резануло что-то сзади.
- Перед лицом плясала красная ревущая пасть. Было видно даже глотку.
- «Фашисты наших тоже овчарками травили», – вспомнил он.
- Михаська кинулся к бревнам, вторая собака рванула его за обгорелую курточку, сбоку громко треснуло, и он рухнул на верхние бревна, ткнувшись головой в забор.
- Он поднял голову и увидел красные глаза Сашки. Почему-то красные...

Опыт и ошибки

- Как получают жизненный опыт мальчик, Сашка, Катька и Лиза?
  - Какой опыт получил Виктор, отец Михаськи?
  - Какие выводы он сделал из жизненных уроков?
-

Путь обретения опыта – путь обретения себя

- Он снова вспомнил старичка, который был его второй половиной, и улыбнулся. Старичок внутри его исчез. Исчез внутри его и он сам, Михаська.
- Простое математическое понятие. Среднеарифметическое число. Два человека не могли жить в одном. Старичок и мальчишка соединились в нем и разделились надвое.
- И не осталось ни того, ни другого.
- Появился другой человек. Просто взрослый. Еще и не старый, а уже не молодой.
- Михаська вышел на крутой берег. Перед ним плыла река – огромная серебряная рыба.

Чистые камушки

- Камушки блестели на ладони, и сквозь них видно было ладонь.
- Он опустил правую руку и подумал, что ведь чистые камушки теперь не нужны ему.
- Михаська приоткрыл ладонь, и камушки, легонько постукивая, стали падать на мост.
- Он шел и сеял камушки, будто зерна.
- Он шел рядом с мамой по скрипучему старому мосту и не оборачивался назад.
- А если бы обернулся, увидел, что маленькая Лиза и Сашка подбирают чистые камушки, которые он бросает.
- И смотрят сквозь них на солнце.
- И улыбаются.
- Потому что если посмотреть сквозь камушек на воду, он станет голубым, на траву – зеленым, а на облака – белым.
- А если посмотреть на солнце, камушек станет кусочком солнца и даже обожжет руки.
- Такой камушек...